

Г. В. ИВАНЧЕНКО
**Неопределенность
и риск как
антропологические
константы
современности**

Неопределенность и совладание с ней стали важнейшими характеристиками современного общества. Причем трансформация под воздействием вероятности и статистики затронула и систему знания, и систему власти: новое, вероятностное, мышление стало присуще и ученому, и чиновнику как лицу, принимающему решения, и обычному человеку.

Отношение общества к экспертизе и экспертам ощутимо меняется по мере того, как социум становится, по известному выражению немецкого социолога У. Бека, «обществом риска»¹. Именно посредством исчисления рисков, считает У. Бек, происходит «управление будущим». Деятельность экспертов поддерживает рациональное отношение к риску, позволяет легитимизировать условие неопределенности как фактора повышенной опасности жизни в современном мире. Рациональное отношение к риску, счи-

тает У. Бек, уменьшает уровень безответственности — идет ли речь о рисках атомной энергетики,

генетических и любых иных. Рациональное отношение к риску, наконец, позволяет переводить конкретные виды риска из разряда непрогнозируемых в разряд планируемых и рационально исчислимых. Общество постепенно берет на себя все большую долю ответственности за личный риск как инноваторов производства, так и людей, которые в результате введения новых технологий могут подвергнуться опасности — как показано, в частности, Мэри Дуглас на примере развития правовых норм в США². Все больше укрепляется понимание, что принятие рисков (и тех, кто их создает, и тех, кто им подвергается) имеет позитивное значение для прогресса общества.

Ведущим современным социологом Энтони Гидденсом экспертное знание рассмат-

ривается как мощный источник трансформации отношений между индивидом и обществом. Так, в «Последствиях современности» (1990) Гидденс в качестве одного из источников динамизма современного общества называет «механизм высвобождения»³. Согласно Гидденсу в современную эпоху происходит высвобождение социальной деятельности из локальных контекстов — отношения устанавливаются во всем объеме пространства и времени. Существует два основных типа механизмов высвобождения — это создание символических знаковых систем и установление экспертных систем.

Благодаря чему начинают функционировать эти абстрактные системы? Они, утверждает Гидденс, основаны на доверии. Вслед за Эриком Эриксоном, выдвинувшим понятие «базового доверия» как основополагающего отношения индивида к социальному миру, Э. Гидденс говорит об «онтологической безопасности», стержнем которой и служит «базовое доверие». Эти проблемы рассматриваются в работе Гидденса «Современность и самоидентичность» (1991)⁴.

Гидденс различает личные и безличные обязательства. Первые представляют собой отношения доверия людям. В этом плане они являются индикаторами единства с другими. Вторые — это доверие к абстрактным системам (и символическим, и экспертным). Под символическими знаковыми системами подразумеваются средства обмена, которые могут функционировать безотносительно к специфическим характеристикам индивидов и групп, использующих их в любых контактах (например, средства политической легитимизации, деньги и т. п.). Эксперты отличаются от не-экспертов не самим фактом использования символов, а доступом к ресурсам символических знаковых систем.

Под экспертными системами подразумеваются системы технического исполнения или профессиональной экспертизы, организующие наше материальное и социальное окружение. Большинство людей пользуется консультациями профессионалов — юристов, программистов, врачей, архитекторов —

нерегулярно, но системы, в которые включено экспертное знание, определяют нашу жизнь постоянно. Экспертные системы вместе с символическими знаковыми системами «вырывают» социальные отношения из их непосредственности.

На порядки расширившаяся буквально за несколько последних десятилетий сфера знаний, малодоступных обычному человеку, повышает напряженность его ожиданий в отношении проявлений профессиональной компетентности носителями знания. От эксперта ожидают не только владения знанием, но и безупречности его применения, точности, своевременности и т. д. Авторитет экспертов, говорит Г. Гигеренцер в работе «Империю шанса. Как вероятность изменила науку и повседневную жизнь» (1989)⁵, был существенно расширен в результате бума статистики и вероятности. В результате возник новый тип эксперта, от которого требовалось скорее оставаться информированным и владеющим формальными техниками, нежели опыт в своей области и способность к персональным суждениям.

Но и объективно цена ошибки неизмеримо выросла для большинства объектов, управляемых носителями технического знания. Вообще для современности характерно возрастание социальных и природных рисков по сравнению с традиционными обществами. Причем это возрастание имеет не только (и не столько) количественное, сколько качественное измерение. Дело не в том, что жизнь обычного современного человека стала более рискованным предприятием, чем существование его предков, а в том, что сегодня и для дилетанта, и для эксперта постоянным и непреложным опытом становится мышление в терминах риска.

Риски современности парадоксальным образом связаны с открытостью будущего, то есть с осмыслением грядущих событий социального порядка как в принципе подвластных управлению и контролю. Вмешательство современного человека в грядущее осуществляется как непрерывный процесс калькуляции рисков, которые охватывают

все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности. Для сегодняшнего дня характерен постоянный рефлексивный мониторинг рисков, разработка «профилей рисков», отражающих вероятность благоприятного развития событий в тех или иных обстоятельствах. Но экспертные рекомендации крайне нестабильны в условиях непрерывной динамики наличного знания. И наконец, происходит постоянное обновление ситуаций риска с глобальными (экологическими и социальными) последствиями, которые с трудом поддаются прогнозированию (например, чернобыльская катастрофа).

Итак, поскольку повседневное существование и профессиональная деятельность в любой сфере превращаются в процесс постоянного осмысления рисков, одной из ак-

туальнейших задач гуманитарной экспертизы становится оценка как самих рисков, так и их влияния на человеческую деятельность.

¹ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М., 2000.

² См.: Дуглас М. Риск как судебный механизм // Риск. Неопределенность. Случайность. 1994. №5. С. 242-253.

³ См.: Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990.

⁴ См.: Giddens A. Modernity and Self-identity. Stanford, 1991.

⁵ См.: Gigerenzer G., Swijtink Z. et al. The Empire of Chance. How probability changed science and everyday life. N. Y., 1989.